

СОЦИАЛЬНОЕ В ПРОЦЕССАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ: АНТРОПОЛОГИЯ, СТРУКТУРЫ, ЗНАНИЕ

В статье рассматриваются процессы взаимоналожения, взаимопереплетения и взаимодействия тканей социального, политического и экономического. Автор предлагает проблематизировать концепт социального, демонстрируя его нетождественность категориальному гнезду «общество – общественное». Тем самым ставится под сомнение неинструментальность и априорность реифицированных категорий (таких как гражданское общество, волонтерство, краудсорсинг, благотворительность). Анализируется феномен «штопки» различных тканей нерелевантными для них средствами и способами, в частности, под таким углом (вследствие чего неапологетично и критично) рассматривается ряд привычных для современного общества феноменов, которые традиционно оцениваются исследователями однозначно позитивно, а также проблематизируются феномены гражданского общества. Автор предлагает иную трактовку данных феноменов (например, феномена волонтерства). Основываясь на авторском определении социального, автор апеллирует к двойной контингентности как критерию, позволяющему отделить социальное от несоциального. Соответственно многие акции, феномены и процессы, традиционно и непроблематизируемо интерпретируемые как безусловно социальные, автор ставит под вопрос в обсуждении этого их статуса. Подчеркивается, что современный мир характеризуется крайне тревожными процессами редукции социальной сложности, ее операционального «раскрытия» по отношению к другим системам (в случае с анализируемыми нами феноменами – системам политической и экономической). Отдельно автор обсуждает проблематику делегирования, расширяя этот процесс до делегирования качеств или атрибуций. Делается вывод, что ткань социального в том виде, в котором она была известна социологам последних двух веков и в котором она была максимально чисто концептуализирована Н. Луманом, во многом претерпевает трансформации и даже растворение.

A. S. GOLIKOV

SOCIAL CONCEPT IN THE PROCESS OF INTERACTION ECONOMIC AND POLITICAL CATEGORIES: ANTHROPOLOGY, STRUCTURE, KNOWLEDGE

Processes of mutual imposing, interlacing and interaction of fabrics of social, political and economic are considered in the article. The author suggests to actualize a concept of social, showing its not identity to a categorical nest around category of “society”. Thereby the non-instrumentalized and aprioritive status of reificated categories is called into question (such categories as civil society, volunteering, crowdsourcing, charity). The phenomenon of “darning” of various tissues by means and methods, irrelevant for them, is analyzed; in particular, from this point of view (that’s why – critically and non-apologetically) a number of phenomena, habitual for modern society, which are traditionally estimated by researchers unambiguously positively is considered, and also phenomena of civil society are actualized. The author offers his interpretation of these phenomena (for example, a volunteering phenomenon). Based on author’s definition of social, the author appeals to a double contingency as the criterion, allowing to separate social and unsocial. Respectively, many actions, phenomena and processes, which are traditionally and non-problematically interpreted as certainly social, the author calls into question in discussion of their status. It is emphasized that the modern world is characterized by extremely disturbing processes of a reduction of social complexity, its operational “disclosure” in relation to other systems (in a case with analyzed phenomena - to political and economic systems). The author discusses separately delegation problematics, expanding this process to delegation of qualities or attributions. The conclusion that tissue of social in the form known to sociologists of the last two centuries and most purely conceptualized by N. Luhmann, in many respects undergoes transformations and even dissolution, is drawn.

ГОЛИКОВ

Александр Сергеевич,

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
Харьковского национального
университета имени
В. Н. Каразина, докторант

Классическая теоретическая социология (в особенности это касается европейской), отличаясь повышенным вниманием к внешне абстрактным, спекулятивным проблемам (наиболее ярко сформулированным в знаменитом зиммелевском «главном вопросе социологии»), при

этом вовсе не являлась ни социально бесчувственной, ни отстраненной от реальной жизни. И происходящие в современном глобализирующемся обществе процессы являются хорошей иллюстрацией того, насколько важны и актуальны вопросы, которые на первый профанский и

даже исследовательский взгляд кажутся оторванными от своей непосредственной социальной «почвы».

Одним из таких вопросов является вопрос о природе и демаркации социального. И если в свое время при постановке этого вопроса в нем речь шла скорее о демаркации собственно предмета социологии (а следовательно, и об аргументации ее дисциплинарной автономии и методологической с(ам)остоятельности), то сейчас этот вопрос становится еще и вопросом политически значимым, инструментально важным, деятельностно актуальным. Так, зачастую явления чисто политические или экономические, маскируясь, камуфлируясь под социальные, получают специфические предпочтения, задают специфичный дискурс или, наоборот, избегают специфично политического или экономического дискурса. В этом смысле можно говорить, огрубляя формулировки, что социальное становится объектом разнообразных игр по поводу политики, экономики, культуры и т. д.

Например, все более активно ставится вопрос о легитимности оккупации «права протеста» – все чаще в общественном и публичном дискурсе всплывают претензии по поводу того, что Бурдьё элегантно назвал «оккупацией делегирования». Противостояние «претендентов на делегирование» в публичном, медийном и социоструктурном пространствах превращается в противостояние не только ансамблей капиталов и символических порядков разных властей, но и противостоянием между политической сущностью действия и социальной его «маской». Граждане, обращающие внимание на «обращение от имени всей общины» как на нелегитимный, но властный акт, фактически начинают осознать воровство подобных социальных артефактов столь же остро, как осознается ими воровство физических и символических артефактов.

Другим примером является все более актуализирующаяся и обостряющаяся до откровенно неконвенциональных форм противостояния борьба за право номинации гражданского общества. Зачастую сторонники одной из точек зрения апеллируют к своему мнению как мнению гражданского общества, тем самым легитимируя это мнение не как политическую позицию (ибо политическая позиция как позиция идеологическая всегда подлежит опровержению и оспариванию), но как позицию «гражданского общества» (а таковая, заметим, в силу как гражданственности, так и сугубой социальности, т. е. как бы свободы от «чистой политичности», позиционируется в мифологии современного либерального дискурса как онтологически и аксиологически куда более высокостатусный феномен, чем позиция политической партии, идеологической группировки или даже идентификационной социальной группы). Тем самым социальное привлекается в качестве средства для «шторки», «латания», герметизации сугубо несоциальных с системной точки зрения феноменов – феноменов политического или экономического порядков.

Отметим, что таковые тенденции, в том числе на примере украинских социокультурных реалий, фиксируются не только нами. Так, О. Бень указывает, что мифология «общественных организаций» не выдерживает столкновения с жесткими прагматизированными и консьюмеризованными реалиями современной общественной жизни

[4, с. 146–152], т. е. переводя ее категориальный аппарат на наш язык, фактически говорит о том, что общественные организации де- и рефункционализируются, начинают выполнять не свойственные им экономические, статусные, политические и прочие функции. Говоря категориями системного ряда, мы имеем дело с адаптацией социального к латанию разгерметизированного политического или экономического.

Изучение этих процессов, их первичная классификация и предварительный анализ их основных особенностей и проявлений и будет основной **целью** нашей работы.

В этом анализе мы будем прежде всего опираться на предложенное нами понимание сущности социального в наших статьях [8, с. 78–83]. Следует напомнить, что мы понимаем под социальным ткань общества как коммуникативной реальности знания. Это определение, являясь, во-первых, наиболее общим, во-вторых, кое в чем метафоричным (поскольку за пределами нашего обсуждения пока остается операционализация метафоры «ткани общества»), тем не менее ухватывает наиболее важные и проблемные для нас моменты, а именно: мы не отождествляем общество и социальное; мы не редуцируем социальное до свойства общества; мы указываем на коммуникацию как реальность, синтетически соединяющую в себе структурные и деятельностные компоненты; наконец, коммуникация вне знаниевых систем данного общества осуществляться не может – вне зависимости от формы знания, его модуса и процессов, происходящих по отношению к этому знанию. Наиболее же важный для нас на данном этапе нашего анализа нюанс заключается в следующем существенном уточнении веберовской категоризации социального: в социальных контекстах участники могут учитывать (говоря языком М. Вебера) наличие и смыслы как Другого (т. е. конкретного другого, находящегося в определенном контексте, со своими историко-культурными, биографическими, физическими и т. п. спецификациями), так и Третьего (т. е. обобщенного другого, третьего-как-типичности, третьего-как-равного) [8].

Иначе говоря, действия, феномены и процессы, лоцированные внутри общества, даже обладая главным веберовским критерием социального, с нашей точки зрения, могут не быть таковыми, и именно на этом основана как главная проблема веберовской типологии социальных действий, так и вообще главная методологическая проблема интерпретативной социологии (которая рано или поздно легко вырождается в сугубо рационалистские и позитивистские если не по методологии, то по гносеологии построения типа теории рационального выбора или теории обмена). Именно поэтому мы предполагаем, что данные теории, являясь откровенно редуционистскими для сугубо социальных действий, являются достаточно мощным инструментом для анализа экономических или политических (интер)акций.

Именно по этой грани мы в дальнейшем будем проводить демаркацию между социальным и несоциальным (без существенной и тонкой дифференциации на экономическое, политическое, био(физио)логическое, психологическое и т. п. – это не входит в задачи текущего исследования).

Социальное как порождение феномена двойной контингентности [13] возможно только в промежутке между тотально зарегулированным («неизбежным» или «необходимым» – в категориях Н. Лумана) и абсолютно невероятным («невозможным»). Однако в рамках описанного М. Вебером процесса рационализации [9] мы на физическом, социальном, пространственном, экономическом, нормативном, гносеологическом и других уровнях являемся свидетелями процесса всеобщего картографирования и расшифровки. Начиная от генома и заканчивая коннектомой (структурой связей в нервной системе человека), от картографии земной поверхности до картографии психики индивида, от картографии социального ландшафта до картографии маркетингового распределения. Кроме постановки вопроса о субъекте (а следовательно, о фигуре, заинтересованной и продуцирующей это картографирование) мы должны ставить вопрос о том, как этот процесс отражается на социальном (см. детальнее [7, с. 49–52]).

Мы в приведенной выше работе описали эти процессы картографирования как процессы тотального опрозрачивания, которые приводят к повышению лиминализации социального пространства, т. е. к тому, что современные марксистские авторы называют новыми огораживаниями (*new enclosures*) коллективных, общих благ (*commons*): знаний, генетического наследия, биологических и иных природных ресурсов [20, с. 104–131].

Множественными импликациями этого процесса является как тотальное распространение либеральной идеологии (сущностно, по самой своей мировоззренческой основе, казалось бы, как минимум декларативно противостоящей тотализации (см. идеи Ф. А. фон Хайека [19]), так и либерально-атомизированное разъедание и эрозия ткани социального, интервенция экономического, политического, психологического, технологического и прочего в прежде сущностно социальное. Так, социальные инструменты регуляции поведения зачастую предлагается заменить простыми рецептами пошиба реактуализации вопроса о частном владении огнестрельным оружием. В этой реактуализации социолог может увидеть не только падение доверия к социальному (и предлагаемому им арсеналу оперирования), не только крушение коллективного как гарантии безопасности (коллективного, воплощенного в ритуалах, нормах, правилах, в конце концов – инстанции Другого и Третьего), но и атомизированная проблематизация взаимного как непроверяемого (ибо лишь «моя индивидуальность» гарантирует «мне» безопасность, лишь ей субъект может доверять и лишь ее полагать достаточно надежной). Социальное бытие человека подменяется его индивидуальным, десоциализированным существованием. На эту угрозу неоднократно указывали как постмодернисты (например, см. идеи З. Баумана по этому поводу [2]), так и структуралисты, и марксисты (особенно это касается такой плодотворной, с нашей точки зрения идеи, как идея отчуждения).

Однако индивидуализация общества, уже многократно проанализированная и под углом атомизации, и под углом мультидивидуумизации общества [14], не единственный и, вероятно, даже не наиболее драматичный имплицит анализируемых процессов. Более важным социоструктурно

и социокультурно мы полагаем феномен камуфлирования социальными оболочками несоциальных содержаний, кодов и действий. Опираясь на приведенные выше и в других наших работах определения социального, мы аргументируем, что резкая трансформация ландшафта политического пространства, существенная социализация экономических моделей взаимодействия и построения корпоративного пространства, сильно проявляющаяся тенденция к юридизации микровзаимодействий (в том смысле, что ведущим регулятивным институтом в этом пространстве становится право), постмодернистская иронизация политического, калейдоскопическое варьирование арсеналов действия (от социального до правового, от экономического до политического и т. п.) – все это является проявлениями этого феномена.

Так, категоризация «есть и такое мнение», репрезентируясь как «социальная множественность», на самом деле намного чаще представляет собой «политическую апологетику» (отметим в скобках, что мы не заявляем однозначности корреляции: ни в коем случае нельзя говорить, что нет отклонений от этой тенденции; безусловно, в некоторых случаях «есть и такое мнение» не только репрезентируется, но и бытийствует как социальная множественность), камуфлируя реальное политическое действие. Реальный реципиент подобного «мнения» становится вполне очевидным, если проанализировать скорость, оперативность и содержательность реакций масс-медиа на подобные «неполитические» и «сугубо гражданские» акции и «мнения».

Схожей (не)социальной и проблематичной онтологией обладают и политические провокации, которые представляют собой на самом деле не «наивно-социальное» действие граждан, которые вторглись в пространство политического с не соответствующим этому пространству поведенческим арсеналом и социальной амуницией, но оружие политической природы и политического действия, о чем свидетельствует как острота возникающих конфликтов, так и применение разнообразных техник камуфлирования собственно политической природы подобных провокаций: так, крайне легко подобные провокации (намного легче, чем среднее социальное действие) перетекает в правовую форму взаимодействия, иначе говоря, слишком упрощенным является интерфейс перехода между данным действием и юридическим. Подобной простоты и оперативности интерфейс свойствен скорее политическим и экономическим действиям и пространствам взаимодействия, чем сугубо социальным. При этом заметим, что зачастую юридическое пространство и юридические формы (взаимо)действия «атакуются» со стороны социального или политического, особенно активно используя «неповоротливость», инерционность и механичность юридической природы.

Еще одним любопытным кейсом данного феномена является камуфлирующая «подмена». Например, использование в протестных действиях телесных, ироничных и знаково-символических техник представляет собой не что иное, как подмену политического во всех его свойствах (компетентность актора, включенность в политическое пространство, системную логику, ответственность высказывания, приоритет наиболее весомого аргумента

(см. работы Ю. Хабермаса по этому поводу [18]) разным набором телесных и дискурсивных техник, обладающих квазиполитическим оформлением и совершенно антиполитическим содержанием (эпатаж, скандальность, ирония, дерационализация, экзатичность).

Именно на этих основаниях мы будем далее рассматривать два важнейших для нас как социологов процесса, а именно «штопку» социальными инструментами и «материалами» экономического, политического, правового и других, с одной стороны, и обратный процесс «штопки» социального несоциальными инструментами и «материалами».

Так, в «штопке» социальным главным, с нашей точки зрения, фактором этих процессов является релевантность процесса его главной предпосылке, а именно дискретной экономизации (либеральной модели *homo economicus*, как об этом пишет У. Бек [3]), процесс которой зашел в тупик и привел к истощению структурных возможностей и потенциалов экономической и социальной тканей. В результате этого экономическое пространство перестало удовлетворять простейшим требованиям к операционально закрытым системам [13], перестало адекватно воспроизводить себя как на уровне микродействий, так и на уровне макроструктур. Свидетельством этому являются как структурные кризисы, перманентно потрясающие сами основы мировой экономики, так и дискурсивные (научные, религиозные, повседневные) проблематизации целей и средств, предлагаемых современной экономической системой (для этого достаточно вспомнить, например, постановку под вопрос легитимности феномена ссудного процента проектом «исламского капитализма» как капитализма без ссудного процента).

В таких случаях экономическая система все чаще прибегает к внеэкономическим средствам «штопки» образующихся системных проблем и недостатков. Давним примером такой «штопки» является традиционно позитивно концептуализируемое волонтерство, которое при этом крайне редко анализируется как фактор решения работодателей принимать на работу человека со стажем волонтерства или без такового, или как инструмент конструирования благоприятного имиджа. Тогда как эти аспекты волонтерства, «костыля» для экономики, не(до)выполняющей свои функции (как минимум в том виде, в котором их видел Т. Парсонс [15]), системно ничуть не менее важны, а социологически, вероятно, куда более индикативны.

Схожей природой в современном мире обладает благотворительность, которая из своей реципрокной сущности сохранила разве что стереотипизацию благотворительности как безвозмездного дара. И уже не обвиняются в цинизме те, кто вслед за П. Бурдьё [6] видят за подобными актами способы борьбы за (ре)капитализацию и за конверсию капиталов. Лишним институциональным и практическим признанием этого является превращение благотворительности в (негласно) обязательную практику для экономических благосостоятельных и политически активных акторов.

На микроуровне пример, близкий к благотворительности, нам предоставляет феномен донорства, который зачастую представляет собой не (с)только реализацию реципрокной биополитики, сколько стратегию символической,

политической, правовой и даже экономической борьбы (здесь можно привести в качестве примера и демонстративное донорство политиков, и «гонку за статусами», и т. п.).

Безусловно, этот феномен не является новым с точки зрения социально-формационной. Он был свойствен и докапиталистическим формам, и социалистическому обществу (здесь достаточно вспомнить про добровольные народные дружины, движение баумцев, энтузиазм целинников). Однако капиталистическое общество, общество дискретности, по меткому определению Е. И. Суименко [17], доводит, с одной стороны, противостояние и пропасть между социальным и несоциальным до возможного (или еще не исчерпанного?) предела, с другой – использует внеэкономические инструменты и «материалы» для «штопки» экономического в рамках крайне специфических и небезопасных для социальной системы практик. Так, провозглашение экономической проблемы вызовом для общества (неважно, что является этой проблемой – стабилизация валюты [16] или ресурсные нехватки), в отличие от упомянутых выше практик «штопки» социального в рамках советского общества, является не мобилизацией внеэкономических ресурсов для интенсификации экономических процессов, не способом преодоления отчуждения между экономическим и внеэкономическим, но постановкой внеэкономического на службу экономическому, иначе говоря, одной из опасных, дискурсивно латентизированных и нормативно легитимированных, форм хабермасовского процесса «колонизации» [18] – только эта колонизация осуществляется не по отношению к жизненному миру (структурно более «слабому», чем система), а по отношению к социальному (структурно менее «жесткому», чем экономическое или политическое).

По отношению к «штопке» политического социальными средствами и «материалами» релевантным примером будет распространяющаяся тенденция использования в политических средствах неполитических средств коммуникации – например, приглашение блогеров на работу в государственные органы, спецслужбы, маркетинг и т. п. Политика, теряя интерфейсы эффективной коммуникации за пределами политической системы, не просто ищет новые интерфейсы – она политизирует доселе неполитическое, сохраняя оформление и внешние атрибуты социального, однако тотально заменяя социальное содержание на политическое.

Это не значит, что мы предлагаем приравнивать краудсорсинг (на примере таких проектов, как Яндекс.Пробки), бюро добрых услуг, субботники, – с одной стороны, и экономизированные формы волонтерства, благотворительности и т. п. – с другой. Безусловно, реципрокные действия остаются в ткани социального достаточно представленными. Мы обращаем внимание на то, что эти процессы колонизации (сопровождающиеся камуфлированием, что немаловажно) нарастают, разрушают системность общества, превращают социальное в приложение или в «материал для штопки» экономического и политического пространств. Происходит гибридизация действий, чему особенно способствует медиатизация социального пространства (что еще в 1980-х годах блестяще предвидел Жан Бодрийяр [5]).

Сохраняя объективность взгляда на проблему, следует отметить, что и обратные процессы весьма характерны для современного общества. Социальное, несмотря на свою непосредственную включенность в человеческую деятельность и повседневность, все-таки не обладает, выражаясь лексикой Зиммеля, такой витальной силой, чтобы, предоставляя множеству подсистем общества свои возможности и «материалы», в дальнейшем не испытывать проблем. Кроме того, атомизация и индивидуализация общества, указанные выше, сами по себе проблематизируют социальное, делают его неочевидным и даже дискутируемым.

И здесь под вопрос (а следовательно, под экономическую, политическую, правовую и прочую «шторку») попадают множество социальных аспектов и феноменов – от знаково-символических до институциональных, от нормативных до повседневностно-практических.

Важнейшей тенденцией тут, пожалуй, являются экономически укорененные процессы делегирования (этот термин мы употребляем в понимании, близком к пониманию П. Бурдьё [6]), а именно делегирование социальных качеств / атрибутированных / действий несоциальным феноменам и процессам. Здесь иллюстративным нам кажется пример «покупки» различных компетенций, активно распространившийся в современном мире вплоть до «покупки» компетенции кулинара внаем. Символ хозяйственности, традиционно воспринимаемый в гендерных и не только гендерных отношениях как сигнал специфичного социального отношения и специфичных социальных отношений, превратился в экономизированный товар. Социальная некомпетентность «заштопывается»: при отсутствии возможности продемонстрировать социальную адекватность и социальную компетентность в виде уникального, сделанного руками самого хозяина, продукта таковая компетентность опосредуется либо технически (но этот пример менее показателен), либо экономически (и этот пример куда более показателен).

В том же ряду стоит и появившаяся тенденция к симулякризации не только социальных навыков и ответственности (когда человек становится ответственным и социально адекватным благодаря техникам, «отвечающим» за его письменную вежливость, за его повседневную пунктуальность, за его юридическую ответственность и т. п.), но и специфично человеческих, творческих и квалификационных, навыков и ответственности – от делегирования компетенции композитора (компьютерная программа *Jam*) до делегирования компетенции шахматиста (достаточно вспомнить относительно недавний скандал в шахматной дуэли Крамника и Топалова).

Это, надо сказать, является второй важной характеристикой «шторки» социального несоциальными средствами, а именно возрастание количества технических и несоциальных посредников. Так, появляются искусственные посредники, берущие на себя функционал паллиативов социальности – адвокаты как паллиатив социальной ответственности, коллекторы как паллиатив финансовой пунктуальности, туристические фирмы как паллиатив досуговой деятельности, ивент-агентства и ивент-менеджмент как паллиатив творческого, рекреационного и праздничного разрыва повседневности. Социальное все

больше наполняется ранее неизвестными посредниками, опосредуется инстанциями, «материалами», институциями, акторами и актантами (в категориях Б. Латура – напомним, эта категория шире категории «актера», ибо включает вещи как участника социального (взаимо)действия [12]). Вследствие этого социальное становится все менее очевидным, все более проблематизируемым, все чаще скрываемым за правовым, политическим, экономическим.

Третьей характеристикой «шторки» социального несоциальными средствами является нацеленность этой «шторки» на удержание формального единства. Здесь двумя релевантными, с нашей точки зрения, примерами будут политикорректность и ювенальная юстиция – мощные институты нового глобального мира, нарождающиеся и диверсифицирующиеся на наших глазах. Оба эти института, опосредуя социальное в его непосредственной данности и бытии, с одной стороны, и легитимные формы его (проявления – с другой, воплощают собой одну и ту же логику, а именно логику сдерживания центробежных процессов не «сетевыми», «ризомными» (говоря делёзовско-гваттариевскими категориями [11]) стратегиями и техниками, а сугубо структурно и системно онтологическими. Здесь противопоставление структурной «жесткости» экономического, политического и правового, с одной стороны, и прагматологически-деятельностной «мягкости» социального становится чрезвычайно релевантным.

Наконец, четвертой особенностью является адаптация и ассимиляция социальных «материалов» и инструментов, находящихся «окрест» заштопанного участка. Так, дорожные указатели, содержащие рекламу, прежде всего являются рекламой, и лишь затем – социальным знаком; номера домов и *public places*, содержащие отсылки на экономических акторов, их установивших/отремонтировавших/отреставрировавших – прежде всего экономическим (реже – политическим) действием и лишь затем – собственно социальным знаком (что, конечно, не исключает повседневной апелляции к ним как к собственно социальным знакам и как к фактору структурирования собственно социальных практик). Средства, выделяемые для патронатных родителей, превращаются прежде всего в зарплату (начинают и рассматриваться, и называться так на уровне семантики), и лишь затем являются социальным средством поддержания существования социальной ячейки.

Безусловно, «шторка» может осуществляться в различных направлениях: так, не чем иным, как «шторкой» политического экономическими средствами является решение политических вопросов экономическими санкциями, что, кстати, не исключает камуфлирования экономического действия под политический акт (хотя бы с целью избежать специфичных санкций экономического поля взаимодействия), а политического – под социальное (например, именно так конечный экономический интерес «трансформируется», минуя стадию «политической озабоченности» и «политического недовольства» в чисто социальную «заботу о мире», «озабоченность справедливостью» и т. п.). Однако, учитывая проблематичность социального в современном мире (и эта проблематичность

лишь усугубляется и на дискурсивном, и на праксеологическом, и на системно-институциональном уровнях, хотя мы и не склонны к бодрийеровскому алармизму), анализ процессов первых двух типов нам представлялся в рамках нашего исследования приоритетным.

Таким образом, наблюдаемые нами процессы не могут не вызывать как социологического интереса, так и сугубо праксеологической заинтересованности. Контрактизация социального, трансформировавшая уже ряд институтов и феноменов (от брака до религии, от армии до семьи, от образования до экологии), не могла не затронуть своим атомизирующим воздействием и саму ткань социального. На место непосредственного решения проблем приходят «агентства по улаживанию проблем», на место дружеской договоренности – «агентства по предоставлению искусственных алиби». Парадоксальным образом этот процесс отражается и в структуре социального знания. Социальное знание, теряя многомерность социальности, редуцируется до экономцентрированных брэндов, политцентрированных лозунгов, технокцентрированных иконок и «лайков», повседневные акторы теряют доверие к социальному миру и его артефактам. Гражданское общество выкристаллизовывается не как результат непосредственного взаимодействия взаимно заинтересованных сознательных граждан, а как «гражданский имитатив» такового. Не с этим ли связана тотализация «гражданского общества», которое становится все менее терпимым к альтернативным мнениям (в частности, к тем, которые выходят за пределы мифологем гражданского общества и вообще за пределы дискурса, насаждаемого и навязываемого NGO или pseudo-NGO)? Наиболее тоталитарным оказывается не структурный контроль (который априори не может быть универсализирован и превращен во всевидящий – здесь паноптикум М. Фуко действует немного не так, как себе представлял французский философ), а микроконтроль так называемого гражданского общества, которое на самом деле представляет собой франкенштейновскую мозаику из множества несо-

циальных действий, феноменов и институтов, постоянно легитимирующих себя через камуфлирование под сугубо социальные и сугубо гражданские.

У этих процессов есть и ряд не изученных нами на данный момент аспектов и проявлений. Здесь интересным является и процесс опосредования социальности как процесс лишения агента шанса на активность (отметим немалую, к сожалению, роль социолога в делегитимации всех без исключения форм альтернативного политического, кроме узкого набора принятых и легитимированных форм), и демонстративное бегство от авторитетов, что нельзя концептуализировать лишь как постмодернизацию сознания. Это бегство трансформируется в специфичные и крайне тревожные знаниевые конструируемые ненависти и презрения к феноменам, которые таковое отношение получают лишь в силу своей онтологии (например, ветераны войны (особенно Великой Отечественной войны), идеологии (особенно идеологии, так или иначе опирающиеся на «метанарратив» по Ж.-Ф. Лиотару, т. е. на обобщающую категоризацию), исторические нарративы), а также превращения универсума ценностей в универсам ценностей. Этот процесс будет социально деструктивней, чем процесс превращения личностной идентичности в «гардероб идентичностей» [1], ибо зачастую приводит к реабилитации несоциального и даже антисоциального – и некоторые дискурсивные техники этой реабилитации мы уже наблюдаем в виде брэндов («Эгоисты»), «НаХЛЕБник», мороженое «Буржуй»), лозунгов (реклама ForEx со слоганом «Кто не работает – тот инвестор»), «ценностных предложений» современного десоциализированного пространства рынка людям (в виде противопоставления труда и отдыха, не в пользу, конечно, первого или в виде демонстративной реабилитации социально-статусных позиций, ранее дискредитированных в общественном сознании). Именно поэтому предложенные нами выше методологические и концептуальные разработки являются лишь одним из эмпирических шагов в разработке большой исследовательской программы.

Список использованных источников / References

1. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008 (Bauman Z. (2008) *Tekuchaia sovremennost'*, [Liquid Modernity] Saint-Petersburg: Piter).
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2002 (Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo*. [Individualized Society] Moscow: Logos).
3. Бек, У. Что такое глобализация / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001 (Beck U. (2001) *Chto takoe globalizatsiia*. [What Is Globalization] Moscow: Progress-Traditsiia).
4. Бень, О. Т. (2013) Консюмеристські настрої у середовищі громадських організацій сучасної України: норма чи девіація? / О. Т. Бень // Вісн. Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи, (1045). – С. 146–152 (Ben' O. T. (2013) *Konsiumerists'ki nastroi u seredovishchi gromads'kikh organizatsii suchasnoi Ukraini: norma chi deviatitsiia?* [Consumerist Moods in Environment of Public Organizations of Modern Ukraine: norm or deviation?] *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Sociologichni doslidzhennia suchasного suspil'stva: metodologii, teorii, metodi*, [V.N. Karazin Kharkov National University Herald. Sociological Researches of Modern Society: Methodology, Theory, Methods] (1045): 146-152).
5. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула, 2013 (Baudrillard J. (2013) *Simuliakry i simuliatsiia* [Simulacra and Simulation] Tula).
6. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё. – М. : Socio-Logos 1993. (Bourdieu P. (1993) *Sotsiologiiia politiki*, [Sociology of Politics] M.: Socio-Logos).
7. Голиков, А. С. Укорененность социального в знании: пределы прозрачности и угрозы опосредования / А. С. Голиков // Вісн. Одеського національного ун-ту. Серія: Соціологія і політичні науки. – 2013. – № 3. – С. 46–52 (Golikov A.S. (2013a) *Ukorenennost' sotsial'nogo v znanii: predely prozrachnosti i ugrozy oposredovaniia* [Rootedness of Social in Knowledge: Limits of Transparency and Threats of a Mediation],

Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Seriya: Sotsiologiya i politichni nauki. Naukovii zhurnal. [Odessa National University Herald. Series: Sociology and Political Sciences] (3 (19)): 46–52).

8. Голіков, О. С. Актуалізація соціального в умовах суспільства, що глобалізується: виклики кризової соціальності й теоретичні виклики соціології / О. С. Голіков // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць.* – 2013. – № 19. – С. 77–83 (Golikov O.S. (2013b) Aktualizatsiia sotsial'nogo v umovakh suspil'stva, shcho globalizuet'sia: vikliki krizovoi sotsial'nosti i teoretichni vikliki sotsiologii, [Actualization of Social in Conditions of Globalizing Society: Challenges of Crisis Sociality and Theoretical Challenges of Sociology] Metodologiya, teoriia ta praktika sotsiologichnogo analizu suchasnogo suspil'stva: Zbirnik naukovikh prats'. [Methodology, Theory and Practice of Sociological Analysis of Modern Society: Collection of Scientific Works] (19): 77–83).
9. Давыдов, Ю. Н. «Картины мира» и типы рациональности (новые подходы к изучению социологического наследия Макса Вебера) / Ю. Н. Давыдов. – 1990 (Davydov Iu.N. (1990) «Kartiny mira» i tipy ratsional'nosti (novye podkhody k izucheniiu sotsiologicheskogo nasledii Maks Vebra).
10. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 736–769 (Weber M. Izbrannye proizvedeniia, M.: Progress, 1990: 736–769).
11. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007 (Deleuze G., Guattary, F. (2007) Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia, [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia] Ekaterinburg: U-Faktoriia).
12. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М.: ГУ ВШЭ, 2014 (Latour B. (2014) Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu, [Reassembling The Social: An Introduction To Actor-Network-Theory] M.: GU VShE).
13. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман. – СПб.: Наука, 2007 (Luhmann N. (2007) Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii, [Social Systems. Sketch to General Theory] SPb.: Nauka).
14. Мультивидуум. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. – СПб.: Алетейя, 2003 (Mul'tividuum (2003). Proektivnyi filosofskii slovar'. Nove terminy i poniatii. [Projective Philosophical Dictionary. New Terms and Concepts] SPb., Aleiteia, 2003).
15. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998 (Parsons T. (1998) Sistema sovremennykh obshchestv, [System of Modern Societies] M.: Aspekt Press).
16. Шпек, Р. Стабилизация гривны является вызовом для всего украинского общества [Электронный ресурс] / Р. Шпек. – Режим доступа: <http://news.finance.ua/ru/~1/0/all/2014/08/28/333050>. – Дата доступа: 06.07.2017 (Shpek R. (2014) Stabilizatsiia grivny iavliaetsia vyzovom dlia vsego ukrainskogo obshchestva. 28.08.2014.. <http://news.finance.ua/ru/~1/0/all/2014/08/28/333050>).
17. Суименко, Е. И. Капитализм в нашем доме. Взгляд сквозь призму теории и социальной эмпирии / Е. И. Суименко. – К.: Ин-т социологии НАН Украины, 2007 (Suimenko E.I. (2007) Kapitalizm v nashem dome. Vzgliad skvoz' prizmu teorii i sotsial'noi empirii, [Capitalism in Our House. A Look Throw Prism of Theory and Social Empiry] K.: In-t sotsiologii NAN Ukrainy).
18. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2003 (Habermas Ju. (2003) Filosofskii diskurs o moderne, [Philosophical Discourse on Modernity] M.: Ves' Mir).
19. Хайек, Ф. А. фон. Дорога к рабству / Ф. А. фон Хайек. – М.: Экономика, 1992 (Hayek F.A. fon (1992) Doroga k rabstvu, [The Road To Selfdom] M.: Ekonomika).
20. Onur Ulas Ince (2014) Primitive Accumulation, New Enclosures, and Global Land Grabs: A Theoretical Intervention. *Rural Sociology* (79(1)): 104–131 Onur Ulas Ince (2014) Primitive Accumulation, New Enclosures, and Global Land Grabs: A Theoretical Intervention. *Rural Sociology* (79(1)):104–131.

13.07.2017